

/~/

Спокойные воды Чайной страны слегка омывали розовый песок, на котором он сидел; прибрежный бриз нежно ерошил его волосы; терпкий запах соленой воды приятно встретил его нос.

Вдохните.

Пот струился по его коже, когда он продирался сквозь заросли, ловко уворачиваясь от блеска холодной стали; злобные порывы ветра трепали его тело, когда он готовился к удару; металлический запах крови ударил ему в нос через мгновение после того, как он почувствовал его на языке.

Выдох.

Птицы, гнездившиеся на пальмах, щебетали в утреннем тепле; вдали слышался нежный рокот моря.

Вдох.

Вдали раздался звон металла, но он не обратил на него внимания; почти безмолвную темноту пронзил крик, затихший менее чем через мгновение.

Выдох.

Состаренное дерево дома в нескольких метрах позади него заскрипело, когда поднялся прибрежный ветер.

Вдох.

Дерево рассыпалось и расплавилось, когда белая горячая лава пронеслась мимо него, не долетев до него считанные дюймы.

Выдох.

Он был в Чайной стране, стоял на коленях на пляже, пока солнце боролось с утренними облаками.

Вдох.

Он был в Стране трав, продирался сквозь болота, борясь за свою жизнь.

Выдохните.

Голубые глаза, кристально чистые, неторопливо распахнулись, открывая вид, который он привык видеть каждый день на протяжении последних семи месяцев. Кристальные воды мягко разбивались о розовый песок пляжа менее чем в десяти футах перед тем местом, где он стоял на коленях. Вдалеке над океаном парила чайка, бьющая крыльями по ветру в поисках следующей порции еды. Он не повернулся, но знал, что его дом, скромное строение из четырех комнат, стоит у него за спиной, приютившись среди рощи пальм; его гамак, натянутый между опорной балкой дома и пальмой, лениво дрейфовал под утренним бризом.

Он выдохнул то, что едва ли можно было назвать вздохом удовлетворения. Четыреста девяносто шесть дней со дня моего последнего убийства, - размышлял он. "Хотя четыре-девяносто семь - более правильное число", - пробормотал он, кивнув самому себе.

Он повернулся, чтобы направиться к своему дому, успокоившись на утро, и тут же замер на месте, когда присутствие переступило порог его сознания. Оно находилось почти в миле от него, войдя в туман, который местные жители просто списали на особо упрямый туман, не желающий сгорать в течение дня. Присутствие двигалось с хорошей скоростью, это был явно шиноби, но он не узнал этого затейника.

Шуншин поспешно отнес его подальше от зоны поражения - как раз вовремя, чтобы не оказаться раздавленным болтом лавы, вырезавшим в земле десятифутовый кратер. Он зарычал от ярости на монстра, стоявшего перед ним, монстра, который убил его напарника во вспышке белого жаркого пламени, появившегося из ниоткуда. Его руки расплылись, и влага в воздухе превратилась в воду, которая, повинаясь его воле, сформировалась в огромную пулю, метнувшуюся в монстра быстрее, чем мог видеть глаз.

Он потянулся за чакрой, его внимание стало острым, и воздух разорвала трещина, когда водяная пуля застыла в лед за мгновение до того, как врезалась в цель. Монстра отбросило назад, он неуправляемо завертелся в воздухе, а затем врезался в дерево, достаточно сильно, чтобы расколоть его надвое.

Это убило бы любого другого человека, любого другого шиноби, но он знал, что его работа еще не закончена.

Он с силой вытолкнул воспоминания о своей последней встрече с шиноби. Не отвлекаясь на то, что происходит здесь и сейчас, где и должно быть, сказал он себе. Мимо него к маленькому домику проскочил детеныш саламандры, не более нескольких дюймов в длину. Его губы расплылись в крошечной улыбке, и равновесие восстановилось.

Наруто медленно вдохнул и направил свою чакру в нужное русло: жизненная сила складывалась сама собой в модифицированную форму чакры Флекс, которой много лет назад обучил его бывший командир команды. Он не сражался с настоящим врагом уже несколько месяцев - с того самого дня - и не знал, чего ожидать.

Если дело дойдет до этого, он будет защищаться. Сколько бы он ни старался отстраниться от той жизни, он слишком хорошо ее помнил.

Выдохнув, он выпустил в воздух многослойную чакру. Его сознание обострилось; зрачки расширились, глаза почти незаметно увеличились в предвкушении; ухо напряглось в поисках любого звука, который мог бы его насторожить. Легкий туман поднялся из океана и окутал все вокруг, а его осознание всего живого в нем обострилось до предела.

Из моря выпрыгнула рыба.

Чайка пронеслась над океаном.

Саламандра присела на ступеньку дома.

В десяти шагах перед ним появился рыжеволосый мужчина в черном плаще с красными облаками.

"Доброе утро, Наруто-сан".

Несмотря на предупреждение, внезапное появление шиноби обескуражило. Не было ни всплеска чакры, ни убийственного намерения. Ничего необычного. Если бы не туман, через который его чарка взаимодействовала с каждым живым существом, которого касалась, блондин бы его даже не почувствовал.

"Доброе утро, - тихо ответил Наруто, разглядывая гостя. Он был среднего роста, с тонким, угловатым лицом. Багрово-рыжие волосы спадали до плеч и были сдержаны на лбу защитой Амегакуре с одной просечкой посередине. Кольчужные глаза цвета ртути спокойно смотрели на Наруто, и блондин подавил дрожь от кажущегося спокойствия додзюцу.

"...кольчатые глаза, похожие на рябь на пруду, - Риннеган: самое мощное додзюцу в истории. Он был самым могущественным противником, с которым мы когда-либо сталкивались".

Сквозь туман Наруто ясно ощущал, как чакра этого человека насыщает воздух - настоящий океан, сравнимый с морем за его спиной, - и смотреть на его Риннеган было все равно что оказаться в эпицентре урагана; время словно замедлилось, когда Наруто почувствовал, как мир меняется по его воле. Животные, которые за мгновение до этого разбежались в разные стороны, возвращались в свои укрытия. Ветер усилился, откуда ни возьмись появились тучи, превратившие ранний солнечный свет в пасмурную погоду.

Волоски на шее Наруто встали дыбом, когда начался дождь.

"Твое гендзюцу сильно", - похвалил рыжеволосый, его спокойный тон почти застал блондина расплож. "Разгадывать нюансы было одно удовольствие". В его голосе слышалось

удовлетворение, как будто он действительно наслаждался тем, что разрушил маскировочную иллюзию, окружавшую дом до его прихода.

Наруто моргнул, осознав, что да, этот человек действительно мог видеть слои чакры, из которых состояло гендзюцу. Он инстинктивно нахмурился, вспомнив, что одно из его лучших оружий стало фактически бесполезным.

"Я положил его туда, чтобы меня оставили в покое", - проворчал Наруто, глядя на, возможно, самого могущественного шиноби в мире. Он подавил желание почесать татуировку на левом запястье, списав знакомое жжение на воображение.

Мужчина почти торжественно кивнул. "Я понимаю. После тех испытаний, через которые вы прошли, нетрудно понять, почему вы решили удалиться из нашего мира". Он вздохнул. "Прошу прощения, что нарушаю ваш покой, но я должен был встретиться с вами".

"Вы, должно быть, приложили немало усилий, учитывая, что я мертвец".

Рыжеволосый мужчина улыбнулся язвительной улыбкой. "Вы официально числитесь в Конохе как пропавший без вести, предположительно погибший. Я был огорчен, когда мне сообщили об этом, но мои помощники заверили меня, что ты был очень даже жив, хотя и сильно ранен, когда Йотон-но Роши был наконец-то покорен".

Наруто отшатнулся назад, как от удара, вспоминая налетевших воронов и раскаленные до бела лезвия пламени, которые обрушились на врага, словно божественный гнев, обжигая и пронзая, но не в силах остановить неумолимое нападение монстра. Он отмахнулся от воспоминаний о том дне с практической легкостью, выводя свой разум из тумана ярости и отчаяния, который мучил его с самого детства и вступления в ряды шиноби.